

Лит. газета. — 1992. — 1 янв. (21) — С. 14

— ДАЛЕКО ЖЕ вы забрались! Русских я что-то здесь не припомню, хотя живу в этих краях всю жизнь, — с веселым удивлением поглядывает на меня Питер Праудлав.

Таким я и представлял себе «морского волка»: загорелое обветренное лицо, могучие плечи, бушлат. И голос, перекрывающий шум волн.

Катер называется громко — «Король рыбной ловли». На самом деле это старая дребезжащая посуда, которая порой умолкает. Тогда Питер, чертыхаясь, принимается ее заводить. И, слава богу, ему это удается! Ведь я уже почти потерял надежду дожидаться у моря погоды (четыре дня свирепствовал шторм) и попасть туда, где Джордж Оруэлл написал «1984».

Почему он выбрал для работы над романом шотландский остров Юра, хотя тамошний климат убийствен для больного туберкулезом? Что думал и чувствовал, создавая в сверхкороткий срок — практически полгода — великую книгу? И как ему жилось в забытом богом месте в Северном море?

Ответы на эти и другие, порой совсем не литературоведческие вопросы я пытался найти в монографиях и статьях, но в них было столько неясностей и противоречивых суждений о «робинзонаде» Оруэлла, что я решил отправиться по его следам.

Пришвартовываемся к массивному валуну. Узкая тропинка ведет к одинокому белому зданию (см. снимок), крытому темной черепицей. Калитка в проволочном заборе держится на честном слове. Входная дверь заперта, и, судя по всему, тут давным-давно никого не было. Что ж, придется подглядывать в окна. В комнате справа — камин, тут был кабинет. Но большую часть романа Оруэлл сочинил на втором этаже, в спальне.

Михаил ОЗЕРОВ,
собственный корреспондент «ЛГ»

Пронизывающий ветер...

По следам Джорджа Оруэлла

Все вокруг в полном запустении, но надо ли винить англичан? Разве откроешь музей в такой глуши? Хотя, наверное, прибить табличку к двери с именем писателя все-таки можно...

НАДО ЖЕ как бывает: в Лондоне старался не пропустить матчи чемпионата мира по регби, выбирался даже на стадион, а теперь, спустя несколько дней, вдруг попал туда, где родился этот вид спорта! В 1823 году школьник Уильям Эллис пробежал с мячом по лужайке, и никто не смог его догнать. Произошло это в деревне Регби.

Сюда меня привез, встретив на вокзале в Ковентри, Ричард Блэр. По нашим меркам Регби не назовешь деревней: каменные коттеджи, ровная асфальтовая дорога, автомобили. Жить тут, считает Блэр, удобнее и дешевле, чем в Лондоне.

Но, естественно, прежде всего мы говорим о его отце. Ричарда я сфотографировал в ту минуту, когда он делился первым воспоминанием. Ему три года, он прячется под столом. Улучив момент, когда отец вынимает изо рта трубку (Оруэлл беспрерывно курил), хватаю ее: «Хочу попробовать». Отец молча зажимает спичку...

У Оруэлла не было своих детей. Ричард — приемный сын, но он никогда не чувствовал этого. Отец воспитывал мальчика один (в марте 1945 года умерла его жена Эйлин), и они почти не расставались. На последних фотографиях писатель и сын — вместе.

— Почему мистер Оруэлл уехал на Юру? — спрашиваю я.

— Он надеялся, что там ему никто не будет мешать. Еще собираясь туда, сказал как-то друзьям: «Если у меня окажется шесть спокойных месяцев без телефонных звонков, я напишу задуманную книгу».

— Но все-таки не это первопричина, — продолжает Ричард. — Попробую объяснить, что имею в виду. Отец всегда считал, что надо быть настоящим мужчиной. То есть уметь переносить лишения, боль, страдания. Презирать роскошь, модные дорогие вещи. Самое важное — духовная жизнь. На Юре он радовался тому, что может добывать себе еду, охотясь, собирая фрукты или ловя рыбу. Он делал спички из сухих веток... Поезд туда связан и со мной. Отец хотел, чтобы я рос в естественной среде, окруженный суровой подлинной природой.

Ричард выходит из комнаты и возвращается с блокнотом в коричневом переплете.

— Лишения, которые отец сам для себя изобретал, в конце концов обернулись против него. На Юре туберкулез резко обострился. Однажды он взглянул в зеркало и сказал: «Я теперь богат и знаменит, но будущего у меня уже нет». Вот послушайте его последнюю запись в дневнике: «В 50 лет у каждого такое лицо, какого он заслуживает».

Ричард запомнил немного — был еще слишком мал. Но есть другой свидетель. Миссис Нельсон считалась соседкой Оруэлла. Действительно, ближе ее к писателю никто не жил, хотя расстояния между их домами миль шесть.

У худой подвижной миссис Нельсон оказалась цепкая память.

— Мистер Блэр (Оруэлл на Юре называли его настоящим именем Эрик Блэр. — М. О.) приехал сюда в конце июля сорок восьмого года. Он выглядел грустным. Я спросила, что случилось. Он ответил, что не знает, сможет ли тут жить. Я предложила помочь в доставке продуктов. Ведь на острове был лишь один магазин, к тому же очень далеко от его дома. Вообще все было в единственном числе — один телефон, один врач... Дом мистера Блэра был почти пуст: кровать, стол, пара стульев и кое-что для кухни. Я сказала, что могу сдать часть моей мебели. Он согласился, однако его жилье так и не стало комфортабельным. Мистер Блэр жил по-спартански. Впрочем, у каждого из нас хватало проблем — и с едой, и со светом (электричества не было), и с газетами...

— Вы часто общались?

— Раз в два в неделю. Однажды мистер Блэр пришел ко мне с сыном. У Ричарда был расчесан лоб. Мальчик упал со стула и угодил головой в стекло. Мистер Блэр все время заходил в ванную комнату и смотрел, как я отмываю раны. Был очень встревожен.

Миссис Нельсон рассказывала, что Эрик Блэр предпочитал одиночество, у него не было на Юре друзей. Отзывались о нем хорошо — как о тихом, спокойном, порядочном человеке, но жалели его. Невероятно худой, с лицом, изрезанным морщинами, постоянно кашляющий, Оруэлл выглядел тяжело больным.

— Как вы считаете, почему он решил поселиться именно здесь?

— Я сама удивлялась. Ему было очень трудно. Когда я приходила в его дом, то всегда слышала стук пишущей машинки. Мистер Блэр печатал все сам. Ни одна машинистка не соглашалась приехать на Юру. Мистер Блэр говорил мне, что дважды перепечатывал книгу. С каждым месяцем ему становилось все хуже. В декабре сорок седьмого из Глазго прибыл врач и остановился в моем доме. Жил неделю. Потом сказал, что мистеру Блэру больше нельзя оставаться на Юре. Однако мистер Блэр заявил: я должен закончить книгу. Он знал, что ему осталось жить совсем немного, и торопился.

И все-таки он успел. В декабре 1948 года рукопись попала к издателю Фреду Уорбургу, а через месяц ее автора увезли в туберкулезный санаторий на юг Англии. Умирающего писателя захлестнули волны восторженных рецензий, поздравления со всего света. Но 21 января 1950 года Оруэлл скончался. Ему было сорок шесть лет.

РАССКАЗЫ очевидцев проливают свет на «островную жизнь» Эрика Блэра. Однако мне по-прежнему не была ясна история создания романа. Когда родился замысел? При

каких обстоятельствах? Как кристаллизировался?

Я псыбал в местах, где писатель жил, работал, лечился. Но больше всего пользы извлек, пожалуй, из совсем недалекого (особенно если сравнивать с поездками на Юру и в Ковентри) похода на Рассел-сквер. Здесь, в здании Лондонского университета, находится крупнейший в мире архив Оруэлла.

В 1960 году вдова писателя Соня и его друзья Дэвид Астор и Ричард Рис сдали сюда некоторые бумаги покойного. Постепенно архив стал центром изучения творчества Оруэлла. В него поступают книги на разных языках, статьи, видео- и фотоматериалы.

Директор архива Джулиан Фурлонг — сама любезность. Она приносит документы, которые обнаружены в последние месяцы и еще не известны.

Самое интересное — рукописи, записные книжки, дневники Оруэлла, я просидел над ними не один день.

С волнением листаю большой том в синей обложке — рукопись «1984». Масса исправлений. Но несколько фраз повсюду в тексте написаны чисто и крупным шрифтом:

**«ВОЙНА — ЭТО МИР
СВОБОДА — ЭТО РАБСТВО
НЕЗНАНИЕ — СИЛА».**

Те же партийные лозунги, что в «1984», обнаруживаю в записной книжке, относящейся к 1943 году. В ней план романа под условным заглавием «Последний человек в Европе». Оруэлл собирался написать о новоязе, двухминутках ненависти, пролах...

Мне, правда, говорили, что он задумал книгу еще раньше — в начале войны, став политическим комментатором Би-би-си. В Буш-хаусе (штаб-квартире радиокорпорации) даже назвали точное «место действий» — их тогдашнюю уютную столовую. Однажды, отодвигая тарелку с несъедобным супом, Оруэлл сказал коллеге: «На следующий год в нашем меню появится «суп из крыс», а еще через год это будет «суп из фальшивых крыс»». Он умел смеяться над неприятными вещами.

С тех пор, якобы, писатель и стал «раскручивать» сюжет. Помните, с каким отражением герой романа Уинстон Смит переступает порог столовой в своем министерстве?

Провели меня и в тесную комнатку на втором этаже Буш-хауса. В ней, если верить ветеранам Би-би-си, Оруэлл в перерывах между корреспонденциями для радио набрасывал фрагменты будущей книги...

Версия о более далеких «корнях романа» принадлежит Соне. Вторую супругу Оруэлла считают одной из самых загадочных женщин Англии. Цветущая сотрудница журнала «Горизонт», красавица, окруженная сонмом поклонников, среди которых было немало знаменитостей, Соня решила на свадьбу в... больницу. Жених уже не мог вставать с постели и через три месяца скончался.

Что двигало ею? Преклонение перед талантом? Жалость? Расчет на наследство? На эти вопросы биографы тоже дают противоречивые ответы. До свадьбы Оруэлл встречался с ней четыре года и наделил Джулию из «1984» многими чертами будущей супруги: красивая, чувственная, уверенная в себе, откровенная... Рядом с ней Уинстон (в нем порой угадывается сам автор) по меньшей мере неуклюж. Вот как он вспоминает их первую близость: «Все случилось слишком быстро... он испугался ее молодости и красоты... он привык обходиться без женщин...»

Впрочем, Соня и ее отношения с Оруэллом — тема особого разговора. Сегодня же нам важно ее утверждение о том, что Эрик еще в школе «бессознательно накапливал материал» для «1984». Писатель в какой-то степени сам признавался в этом: «Когда я учился в закрытом частном заведении, то впервые

познал, что закон жизни — постоянный триумф сильных над слабыми».

Ричард Блэр полагает, что «не обязательно искать точку отсчета, главное — отец давно вынашивал такое произведение».

— Он не раз называл основным врагом человека тоталитаризм, синонимы которого коммунизм и фашизм. Его роман не антисоветский, а антикоммунистический. Подобный строй может возникнуть в любом государстве. По мнению отца, даже приверженные демократии британцы не застрахованы от тоталитаризма.

Ричард показывает записную книжку отца. В ней имена «возможных тайных коммунистов». Оруэлл опасался, что «западные апологеты сталинского режима, которые изображают себя политически независимыми, могут принести огромный вред». Для него это был прежде всего вопрос порядочности. Он считал, что человек, поддерживающий Сталина, должен открыто выражать свои взгляды. В то же время категорически не соглашался с требованиями британских консерваторов объявить компартию вне закона.

Я насчитал около сотни имен. Немало знаменитостей: Пристли, Шоу, Стейнбек, Поль Робсон... Некоторые имена зачеркнуты, рядом со многими — вопросительный знак. Ричард Рис вспоминал, что «это была своего рода игра, мы обсуждали, кто и в какой мере может быть агентом Кремля, и понимали, что лишь строим догадки».

Да, действие романа происходит в Лондоне, и здесь многое узнаешь. Министерство правды (на новоязе «миниправ») «списано» с Буш-хауса, район Лавок старьевщиков — с тех мест на Чаринг-кросс роуд, где бывал любитель старины Оруэлл и которые сохранились по сей день... Но куда чаще у меня возникают другие ассоциации. Старший брат с его черными густыми усами и грубыми чертами лица — сами догадываетесь, кто. «Враг народа» Эммануэль Голдштейн — Лев Троцкий. Невеселые размышления Уинстона — прямо о нас сегодняшних: «Сколько он себя помнил, еды никогда не было вдоволь, никогда не было целых носков и белья, мебель всегда была обшарпанной и шаткой, комнаты — переполненными, поезда в метро — переполненными, дома — обветшалыми, хлеб — темным, кофе — гнусным, чай — редкостью, сигареты — считанными... Конечно, тело старится, и все для него становится не так, но, если тошно тебе от неудобного, грязного, скудного житья, от нескончаемых зим, заскорузлых носков, вечно неисправных лифтов, от ледяной воды, шершавого мыла, от сигареты, распадающейся в пальцах, от странного и мерзкого вкуса пищи — не означает ли это, что такой уклад жизни ненормален?»

БУДЕМ надеяться, что никаким «холодным советиком» не удастся вернуть нас в состояние «1984». Но чтобы этого не произошло, чтобы август, только в куда более серьезном масштабе, не повторился, надо помнить предостережение Оруэлла. Самыми характерными чертами изображенного им мира он называл тусклость, нищету, апатию. Пока же они — «вечные» спутники нашей жизни...

Мне было интересно послушать профессора лондонского университета Дэна Якобсона:

— Многие годы студенты представляли список книг, которые они за последнее время прочли. Одни упоминали произведения Кафки, другие — Флеминга, третьи — Джойса. И практически все — «1984». Этот роман оставался далеко позади «Гамлета», «Джейн Эйр», «Над пропастью во ржи»... Но сейчас, когда Советский Союз Сталина и Брежнева на глазах разваливается, мы задаемся вопросами: по-прежнему ли роман Оруэлла притягателен для молодежи, хочет ли она делить с Уинстоном Смитом ужасы и жестокости тоталитаризма?

— И как вы сами отвечаете?

— Тоталитарное общество представляется теперь гражданам Запада чем-то абстрактным и неопасным. Но еще есть правительства «прокоммунистической ориентации» в Китае, Северной Корее, на Кубе. Кроме того, Оруэлл дает историческую картину общества, которое действительно существовало. Поэтому не думаю, что интерес к роману будет уменьшаться.

Пик популярности книги приходится на 1984 год. Это понятно, но часто отмечается юбилей... заглавия романа. Международные симпозиумы, десятки новых исследований о «1984», экранизация книги. С той поры Оруэлла изучают на уроках литературы в английских школах.

Марк Гамильтон — литературный «душеприказчик» Эрика Блэра, который занимается его наследием, рассказал, что произведения Оруэлла опубликованы на 62 языках, включая восточноевропейские и суахили. А что происходит в нашей стране, ему, мол, совершенно неизвестно.

— Вы не видели книг Оруэлла на русском языке?

— Нет. И не слышал о советских специалистах, которые занимаются его творчеством.

Рассказываю, даже показываю статьи наших критиков (благо захватил с собой), а сам думаю: на моей памяти ни один советский «оружеловед» вроде бы не мелькал на британском литературном небосклоне. И в лондонской печати я не встречал упоминаний о наших критиках. Конечно, мог что-то пропустить, но ведь не на пустом месте возникла реплика Марка Гамильтона: «Где же ваши исследователи? О работах, к примеру, американца Майкла Шелдена или англичанина Бернарда Крика здесь подробно сообщают».

Кстати, профессор Крик пишет, что «1984» вовсе не был, как уверяют некоторые ученые, «внезапной судорожной реакцией Оруэлла на обострение болезни». Это справедливо, однако болезнью, убежден, не могла не сказаться на тоне романа. Как и окружающая обстановка — безлюдный край, свинцовое море, пронизывающий ветер, отсутствие всякого комфорта. Все это добавляло темные краски к мрачной картине, которую рисовал Оруэлл.

Работая по 12—14 часов в день, с температурой и кровохарканьем, он прекрасно понимал, что приближается к концу. Тем не менее работал. Ведь Джордж Оруэлл больше всего ценил в людях мужественность. И сумел поставить последнюю точку в главной повести книги.

ЛОНДОН — ЮРА — КОВЕНТРИ